

Правовая определенность и ее связь с перспективами примирения

Научный руководитель – Борисова Елена Александровна

Сивак Ольга Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: o.d.sivak@gmail.com

Судебный порядок выступает основной формой разрешения правовых конфликтов по ряду существенных причин, связанных с природой судебной власти. Надеясь на авторитет судьи, заинтересованные лица испытывают недоверие к альтернативным способам урегулирования споров. Одновременно каждая из сторон часто имеет представления о том, что им «положено» неотвратимое удовлетворение их интересов в суде.

Преодолением препятствий в развитии примирения может стать реальное понимание перспектив обеих сторон в случае судебного разбирательства. Ключ к этому пониманию могут обеспечить концепции правовой определенности и предсказуемости судебных решений.

Принцип правовой определенности стал результатом деятельности Конституционного Суда РФ. В частности, в постановлении КС РФ от 15.07.1999 № 11-П впервые были сформулированы такие признаки правовой определенности, как ясность, недвусмысленность правовой нормы, происхождение из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Спустя многие годы развития идеи принцип был закреплен законодательно: согласно ст. 7 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» принцип правовой определенности выражается в ясном, логичном содержании требований, понятном как правоприменителю, так и иным лицам, которое не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом.

Принцип широко трактуется как законодателем, так и учеными, поэтому состоит из множества элементов, таких как требование формальной определенности, стабильности и порой даже *res judicata* [5]. Наиболее интересным для наших целей является элемент предсказуемости правового регулирования и предвидения правовых последствий, который следует понимать как возможность предвидения, ожидания и прогнозирования последствий совершаемого поведения [4].

Отмечается, что определенность предъявляет требования и к характеру применения правовых норм. Белов С.А. подчеркивает, что «право даже в позитивистском понимании не ограничивается содержанием нормативных актов, но предполагает учет практики их толкования и применения. Применение правовых актов должно последовательно осуществляться с тем смыслом, который сформирован в предшествующей практике его толкования» [1]. Автор делает вывод, что правовая определенность в любой системе обеспечивается единством судебной практики: в странах общего права – действием принципа *stare decisis*, в странах романо-германской правовой традиции – концепцией *jurisprudence constant*.

Из приведенных положений усматривается, что частью принципа правовой определенности является предсказуемость решений суда, основанная на предыдущей судебной практике. Значимость именно этого аспекта неоднократно подчеркивалась в научной литературе, так, Г.А. Гаджиев писал, что «принцип правовой определенности, в частности,

предполагает предсказуемость решений высших судов и стабильность выраженных в них правовых позиций» [2]. Ради поддержания предсказуемости судебных решений ученые и законодатели ищут пути обеспечения единства судебной практики.

Полагаем, что идеи правовой определенности и предсказуемость решений суда должны и могут быть использованы для развития примирения. Примирению, как одному из путей разрешения конфликта, необходимо «опираться» как на эмоциональную составляющую, например, нежелание портить деловые отношения, так и на рациональные аргументы, скажем, дороговизну судебного разбирательства для сторон. Одним из самых весомых доводов «за» примирение может стать понимание обеими сторонами реальных, а не желаемых перспектив в суде. Проще говоря, действительно ли потраченные силы и деньги будут стоить того решения, которое, скорее всего, вынесет суд.

В зарубежной доктрине теория оценки своих действий с точки зрения перспектив судебного разрешения спора получила наименование «shadow of the law» [6]. Доктрина имеет широкий спектр применения (от уголовных дел до заключения сделок) и в рассматриваемом аспекте относится к установлению оснований улаживания конфликтов в виду перспектив судебного рассмотрения дела.

Очевидно, стороны могут столкнуться с трудностями уяснения содержания норм права, анализа большого массива практики их применения в суде. В рамках альтернативного разрешения споров наилучшим решением представляется привлечение судебного примирителя. В отличие от медиатора, в полномочия примирителя входят разъяснение законодательства и практики его применения, а также дача рекомендаций в целях скорейшего урегулирования спора (п. 1 ст. 14 Регламента проведения судебного примирения). Судебный примиритель, кроме того, может дать прогноз разрешения спора в суде, будучи судьей в отставке и основываясь на своем многолетнем опыте [3].

В рамках существующего уровня правосознания граждан и при условии общего недоверия к примирительным процедурам именно опора на знание правовых норм и авторитет судейского статуса представляется самой надежной для продвижения идей альтернативного разрешения споров. В свою очередь, ключом эффективности судебного примирения должны выступать обеспеченные законодателем и правоприменителем правовая определенность и предсказуемость судебных решений.

Источники и литература

- 1) Белов С.А. Ценность права и ценности права // Российский юридический журнал. 2025. №2.
- 2) Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №2.
- 3) Решетникова И.В. Некоторые тенденции развития примирительных процедур в российском процессе // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав: сб. статей к юбилею Е.И. Носыревой / отв. ред. Д.Г. Фильченко. М., 2020. С. 269.
- 4) Рукавишникова А.А. Генезис категории «правовая определённость» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 70–83.
- 5) Шишкина О.Е., Бурцева С. С. Правовая определённость в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 166–182.
- 6) Robert H. Mnookin and Lewis Kornhauser, «Bargaining in the Shadow of the Law: The Case of Divorce» // Yale Law Journal. Vol. 88. № 5. Dispute Resolution (Apr. 1979), pp. 950–997.